

*Оливеру и Луи,
которые мне дороже всей золотой пряжи
Волшебной страны*

— Почему я должен принести именно три пряжи королевы фей? — спросил юный принц старуху. — Почему не две или четыре?

Старуха наклонилась к нему, но прясть не перестала.

— Другого числа нет, дитя мое. Три — число времени. Разве не думаем мы о прошлом, настоящем и будущем? Три — число семьи. Разве не говорим мы о матери, отце и ребенке? Три — число фей. Разве не ищем мы их между дубом, ясенем и боярышником?

Юный принц кивнул, ибо слова мудрой старухи были истинны.

— Вот почему мне нужны три пряжи, чтобы сплести волшебную косу.

Из «Волшебной косы» Элизы Мейкнис

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

Лондон, Англия, 1913 год

Там, где она пряталась, было темно и немного страшно, но маленькая девочка старалась слушаться госпожу, которая строго-настрого запретила ей выходить из укрытия. Пока небезопасно, она должна сидеть тихо, как мышь в кладовке. Девочка думала, что это игра вроде прятков, лапты или «картошки».

Она сидела за деревянными бочками, прислушивалась к доносившимся звукам и мысленно рисовала картинку происходящего. Когда-то этому научил ее отец. Мужчины вокруг громко перекрикивались. Девочка подумала, что эти грубые голоса, наполненные морем и солью, принадлежат морякам. Вдалеке слышались гулкие корабельные гудки, пронзительные судовые свистки и плеск весел, а в вышине, распластав крылья и выпитывая разливающийся солнечный свет, галдели серые чайки.

Госпожа обещала скоро вернуться, и девочка очень ждала этого. Она пряталась так долго, что солнце переместилось по небу и согривало ее колени, проникая сквозь новое платье. Девочка слушала: не шуршат ли юбки госпожи по деревянной палубе. Обычно ее каблуки дробно стучали и вечно спешили куда-то, совсем не так, как мамыны. Девочка вспомнила о маме, рассеянно, мельком, как и положено ребенку, которого горячо любят. Когда же она придет? Затем мысли снова вернулись к госпоже. Она и раньше была с ней знакома, да и бабушка говорила о ней, называя Сочинительницей. Сочинительница жила в маленьком домике на окраине поместья, за колючим лабиринтом. Но об этом

девочке знать не полагалось. Мама и бабушка запрещали ей играть в лабиринте и приближаться к утесу. Это было опасно. Все же иногда, когда за ней никто не присматривал, девочке нравилось нарушать запреты.

Солнечный луч забрезжил между двумя бочками, и сотни пылинки затанцевали в нем. Девочка вытянула палец, пытаясь поймать хоть одну. Сочинительница, утес, лабиринт и мама мгновенно покинули ее мысли. Она смеялась, наблюдая за тем, как близки подлетают пылинки, прежде чем унести прочь.

Внезапно звуки вокруг изменились, шаги ускорились, голоса зазвенели от возбуждения. Девочка наклонилась, попав в завесу света, прижалась щекой к прохладной древесине бочек и одним глазком посмотрела сквозь доски.

Ей открылись чьи-то ноги, туфли, подола нижних юбок, хвосты разноцветных бумажных лент, развевающихся на ветру. Хитрые чайки рыскали по палубе в поисках крошек.

Огромный корабль накренился и низко заревел, словно из глубины своего чрева. Девочка затаила дыхание и прижала ладошки к полу. Волна колебаний прокатилась по доскам палубы, достигая кончиков ее пальцев. Мгновение неизвестности — и корабль натужно пошел прочь от пристани. Раздался прощальный гудок, пронеслась волна радостных криков и пожеланий «Bon voyage»¹. Они отправились в Америку, в Нью-Йорк, где родился ее папа. Девочка часто слышала, как взрослые шептались об отъезде. Мама убеждала папу, что ждать больше нечего и нужно уезжать как можно скорее.

Девочка снова засмеялась: корабль рассекал воду, точно гигантский кит Моби Дик из истории, которую часто читал отец. Мама не любила такие сказки. Она считала их слишком страшными и говорила, что в головке дочери не должно быть места подобным мыслям. Папа неизменно целовал маму в лоб, соглашался с ней и обещал в будущем быть осторожнее, но продолжал читать девочке об огромном ките. Были и другие любимые истории из книги волшебных сказок. Они рассказывали о сиротках и слепых старухах, о долгих путешествиях через море. Папа про-

¹ Доброго пути (*фр.*).

сил только не говорить маме. Девочка и сама понимала, что эти чтения нужно держать в секрете. Мама и так чувствовала себя неважно, она заболела еще до рождения дочери. Бабушка частенько напоминала девочке о том, что нужно хорошо себя вести, так как маме нельзя расстраиваться. С мамой может случиться нечто ужасное, и только девочка будет во всем виновата. Девочка твердо хранила в секрете волшебные сказки, игры у лабиринта и то, что папа водил ее в гости к Сочинительнице. Она любила маму и не хотела ее огорчать.

— Ага! — раздался голос над ухом. — Попалась!

Кто-то отодвинул бочку в сторону, и девочка зажмурилась от солнечных лучей. Она моргала, пока обладатель голоса не заслонил свет. Это был большой мальчик, восьми или девяти лет.

— Ты не Салли, — заключил он, разглядывая ее.

Девочка отрицательно покачала головой.

— Кто ты?

По правилам игры она не должна открывать свое имя незнакомцам.

— Ну?

— Секрет.

Он сморщил нос, и веснушки на его лице собрались вместе.

— Это еще почему?

Девочка пожала плечами. О Сочинительнице тоже нельзя было говорить.

— А где тогда Салли? — Мальчик начал терять терпение. Он огляделся по сторонам. — Она побежала сюда, я уверен.

Вдруг по палубе прокатился смех, раздался шорох и быстрые шаги. Лицо мальчика просветлело.

— Скорее! Не то удерет!

Девочка высунула голову из-за бочки. Она смотрела, как мальчик ныряет сквозь толпу, увлеченный погоней за вихрем белых нижних юбок.

У нее даже пальчики ног зачесались, так хотелось поиграть вместе с ними.

Но Сочинительница велела ждать.

Мальчик убежал все дальше. Он обогнул тучного мужчину с навощенными усами, отчего тот нахмурился и черты его лица сбежались к переносице, точно семейка перепуганных крабов.

Девочка засмеялась.

Может, все это часть той же игры? Сочинительница похожа на ребенка больше, чем другие взрослые. Вполне возможно, что она просто играет с ней.

Девочка выскользнула из-за бочек и попыталась выпрямиться. Левая нога так затекла, что ее пощипывало и покалывало. Пришлось подождать, пока пройдет онемение. В это время мальчик повернул за угол и исчез.

Более не рассуждая, девочка рванула за ним. Стучали пятки, сердце пело в груди.

ГЛАВА 2

Брисбен, Австралия, 1930 год

День рождения Нелл решили отпраздновать в здании сельского клуба. Сначала Хеймиш предложил новый танцзал на Гивентеррас, но Нелл, повторяя слова матери, заявила, что глупо идти на лишние расходы, особенно в такое трудное время. Хеймиш уступил, он настоял лишь на заказе особого кружева из Сиднея, которым дочь мечтала украсить платье. Жена поведала об этом перед своей смертью. В тот вечер Лил взяла мужа за руку и показала газетное объявление с адресом на Питт-стрит. Она пояснила, что это тончайшее кружево будет много значить для старшей дочери, каким бы экстравагантным оно ни казалось. Затем, когда придет время, его можно будет переставить на подвенечное платье. Жена улыбнулась, и ей снова стало шестнадцать. Он был покорен.

К тому времени мать и дочь шили праздничное платье уже пару недель. По вечерам Нелл возвращалась с работы из газетного киоска. После чая она доставала корзинку с шитьем и садилась у постели больной матери. Младшие девочки вяло пререкались на веранде, а москиты так густо висели в сыром и теплом воздухе, что казалось, от их гудения можно сойти с ума. Иногда мать с дочерью смеялись над чем-то произошедшим в газетном киоске, например над спором Макса Фицсиммонса с покупателем или очередной жалобой миссис Блэкуэлл на здоровье. Отец слонялся у двери, набивал трубку табаком и слушал, как Нелл, понизив

голос и раздумываясь от удовольствия, повторяла какие-нибудь слова Денни, его обещания о доме сразу после свадьбы, о машине, которую, по мнению его отца, удастся купить за гроши. Денни обещал и новейший миксер из универсального магазина Мак-Уиртерса.

Хеймиш любил Денни. Лучшего жениха для Нелл он и пожелать не мог. Пара была неразлучна с момента знакомства. Глядя на них, Хеймиш вспоминал свои первые годы с Лил. Они были молоды и счастливы, как жаворонки. Будущее расстиралось перед ними чистым листом. И действительно, их брак оказался удачным. Бывали сложные времена, давно, еще до рождения девочек, но в итоге все складывалось хорошо...

Трубка набита, повода медлить больше нет, Хеймишу пора идти. Он нашел себе тихое местечко в конце веранды, темный уголок, где можно спокойно посидеть, насколько это вообще возможно в доме, полном шумных дочерей. А здесь лишь он да мухобойка на подоконнике, на случай, если комары подберутся слишком близко. Хеймиш погрузился в размышления о тайне, которую хранил долгие годы.

Он чувствовал, что время близится, и его напряжение нарастало. Дочери почти двадцать один, она взрослая женщина, вступающая в собственную жизнь. К тому же Нелл помолвлена, ни больше ни меньше. Она вправе знать правду.

Хеймиш никогда не говорил об этом с женой, заранее зная ее мнение. Меньше всего на свете он хотел, чтобы Лил волновалась, тратила последние дни на попытки отговорить его, как не раз случилось в прошлом.

Иногда, подбирая слова для признания, Хеймиш ловил себя на мысли, что лучше бы на месте Нелл была другая дочь. Он ругал себя за то, что завел любимицу, пусть и втайне от всех. Просто Нелл всегда была особенной, пылкой, с живым воображением, совсем не такой, как другие. Он часто думал, что и на Лил она похожа больше сестер, хотя, конечно, это невозможно.

Готовясь к празднику, на стропила повязали ленточки — белые, в цвет платья Нелл, и рыжие, в цвет ее волос. Старый деревянный зал, быть может, не обладал лоском и глянцем новых кир-

пичных городских зданий, но отдраен был что надо. Рядом со сценой четыре младшие сестры Нелл поставили стол для подарков, и на нем уже образовалась целая горка. Дамы из церкви приготовили ужин, а Этель Мортимер села за пианино и заиграла романтические мелодии военной поры.

Сначала гости смущенно стояли у стен, сбиваясь в стайки. Постепенно музыка нарастала и самые бойкие парни набирались храбрости. Молодежь разбивалась на пары и выходила в зал. Младшие сестры увлеченно наблюдали за этим, пока их не отправили на кухню носить подносы с едой.

Когда пришло время речей, щеки присутствующих горели, а каблуки сбились от танцев. Морси Макдоналд, жена священника, постукала по бокалу, добиваясь тишины. Все повернулись к Хеймишу, который стоял у стола с подарками и разворачивал маленький листок, лежавший до этого в нагрудном кармане. Он прокашлялся и провел рукой по волосам, хранившим следы расчески. Ораторское искусство никогда не было его коньком. Он предпочитал не лезть в чужие дела и держать при себе свое мнение, позволяя болтать более крикливым приятелям. Но все же совершеннолетие дочери бывает раз в жизни. Долг отца поздравить ее. Хеймиш всегда выполнял свой долг и следовал правилам. Или почти всегда.

Он улыбнулся на замечание одного из своих портовых приятелей, сжал в ладонях листок и глубоко вдохнул. Один за другим он зачитывал пункты своего списка, написанные мелкими черными буквами: как они с матерью всегда гордились Нелл; как радовались ее появлению; как он любит Денни. В довершение он добавил, что Лил, узнав перед кончиной о помолвке дочери, была особенно счастлива.

При упоминании о недавней смерти жены у Хеймиша защипало глаза, и он умолк. Мгновение он стоял, блуждая взглядом по лицам друзей и дочерей, и задержался на Нелл. Девушка улыбалась словам жениха, которые тот шептал ей на ушко.словно туча набежала на чело хозяина дома, и гостям показалось, что грядет какое-то важное объявление, но миг прошел. Лицо Хеймиша прояснилось, он вернул листок бумаги в карман. «Пора новому мужчине войти в семью, — подумал он, улыбаясь. — Глядишь, все и наладится».

Женщины хлопотали на кухне, предлагая гостям сэндвичи и чай, но Хеймиш лишь ненадолго задержался там. Кто-то пронесился мимо, хлопал его по плечу, кричал: «Отлично сказано, приятель!». Одна из дам сунула ему в руку чашку. Речь удалась, и все же Хеймиш не мог расслабиться. Его сердце отчаянно билось, он потел, хотя в комнате вовсе не было жарко.

Конечно, он знал причину: еще не все задуманное на этот день было выполнено. Когда он увидел, как Нелл одна выскользнула через боковую дверь на площадку, то ухватился за этот шанс. Хеймиш прочистил горло, нашел свободное место на столе с поддонами, поставил чашку и вышел из теплой комнаты в прохладную ночь.

Девушка стояла у серебристо-зеленого ствола одинокого эвкалипта. Хеймиш подумал, что когда-нибудь горные склоны и овраги по обе стороны порастут этими чудесными деревьями. Верно, дивное зрелище будет: строй призрачных стволов в лунном свете.

Пора. Из-за своей слабости он тянет время, пытаюсь уклониться от важного шага.

Пара черных летучих мышей бесшумно спикировала сквозь ночное небо. Хеймиш спустился по шатким деревянным ступенькам на мокрую от росы траву.

Дочь, видимо, услышала или почувствовала его шаги, так как обернулась с радостной улыбкой.

Он встал рядом, и девушка поведала, что думала о маме, гадала, с какой из звезд та наблюдает за ними.

Хеймиш чуть не расплакался. Черт побери, она только что впутала в это Лил! Предупредила, что жена все видит и не одобряет его намерения. Он почти слышал голос Лил и все ее прежние доводы...

Но он решил и не собирался отступить. В конце концов, сам когда-то заварил эту кашу, пусть и невольно. И теперь сам должен все объяснить. Все тайное становится явным, и будет лучше, если правду дочь узнает от него.

Он взял ладони Нелл и по очереди поцеловал их, крепко сжимая мягкие гладкие пальцы в своих загрубелых от работы руках.

Его дочь. Его первая дочь.

Она улыбнулась ему, сияющая в изысканном, отделанном кружевом платье.

Хеймиш улыбнулся в ответ.

Затем усадил ее рядом с собой на поваленный ствол эвкалипта, гладкий и белый. Он наклонился к уху дочери и прошептал секрет, который хранил вместе с женой семнадцать лет. Вспышка искажила лицо Нелл, когда она осознала смысл сказанного. Привычный для нее мир перевернулся, и та, кем она была раньше, исчезла в мгновение ока.

ГЛАВА 3

Брисбен, Австралия, 2005 год

Кассандра дневала и ночевала в больнице, хотя врач сказал, что бабушка вряд ли придет в себя. Слишком много ей было лет, и слишком велико было количество морфия в организме.

Пришла ночная медсестра, и Кассандра поняла, что день кончился. В больнице сложно угадать точное время: свет в вестибюле горит, телевизор включен, хоть экрана и не видно из палаты, тележки катаются туда-сюда вне зависимости от времени суток. Забавно, что заведение, где так важен распорядок, должно работать, напрочь выбиваясь из привычных временных ритмов.

И все же девушка надеялась. Смотрела на Нелл, утешала ее, пока та тонула в море воспоминаний, изредка всплывая, чтобы вновь глотнуть воздуха прошлого. Кассандре была невыносима мысль о том, что бабушка, одолев препятствия по дороге в настоящее, обнаружит, что балансирует на краю жизни одна.

Медсестра заменила пустой пакет из-под капельницы на полный, повернула диск на устройстве за кроватью и стала поправлять белье.

— Она ничего не пила. — Собственный голос показался Кассандре чужим. — Весь день.

Медсестра подняла взгляд, удивившись, что с ней заговорили. Она посмотрела поверх очков на кресло, в котором сидела Кассандра, укутав колени мягким сине-зеленым больничным одеялом.

— Вы меня напугали, — сказала она. — Вы здесь весь день провели, верно? Оно и лучше: уже недолго осталось.

Кассандра пропустила намек мимо ушей.

— Может, дать ей попить? Она, наверное, хочет пить.

Медсестра разгладила простыни и деловито подоткнула их под тонкие руки Нелл.

— Не хочет. На то ей и капельница поставлена, — ответила она, проверяя записи в карточке Нелл. — Дальше по коридору можно сделать чай, если хотите.

Медсестра ушла. Кассандра увидела, что глаза Нелл открыты и смотрят на нее.

— Кто ты?

— Это я, Кассандра.

После недолгого замешательства Нелл спросила:

— Я тебя знаю?

Врач предупреждал, но до чего больно было видеть это!

— Да, Нелл.

Бабушка смотрела на нее водянисто-серыми глазами. Она неуверенно моргнула.

— Я не могу вспомнить...

— Ш-ш-ш... Все хорошо.

— Кто я?

— Тебя зовут Нелл Эндрюс, — сказала Кассандра, беря старушку за руку. — Тебе девяносто пять лет. Ты живешь в старом доме в Паддингтоне.

Губы Нелл дрожали — она пыталась сосредоточиться и понять смысл сказанного.

Кассандра взяла салфетку с прикроватного столика и осторожно вытерла нитку слюны с подбородка своей бабушки.

— У тебя есть лавка в антикварном центре на Латроуб-террас. Она принадлежит нам обеим. Там продаются старые вещи.

— Я тебя знаю, — тихо сказала Нелл. — Ты дочка Лесли.

Девушка удивленно моргнула. Они редко говорили о ее матери, едва ли хоть раз за все время, что Кассандра росла. И за последние десять лет, которые она прожила в квартире на нижнем этаже дома Нелл после возвращения, ни разу не поднимали эту тему. Они, не сговариваясь, решили не ворошить прошлое, которое по разным причинам предпочитали забыть.

Нелл заговорила. Ее встревоженные глаза изучали лицо Кассандры.

— Где мальчик? Надеюсь, не здесь. Он здесь? Я не хочу, чтобы он трогал мои вещи. Ломал их.

У Кассандры закружилась голова.

— Это дорогие вещи. Не подпускай его к ним.

Запинаясь, девушка подыскивала ответные слова.

— Нет... Нет, не подпущу. Не волнуйся, Нелл. Его здесь нет.

Позже, когда бабушка снова впала в беспамятство, Кассандра задумалась над жестокой способностью рассудка ворошить прошлое. Почему в конце жизни голова Нелл должна звенеть от голосов давно умерших людей? Всегда ли так происходит? Неужели каждый, кто взял билет на безмолвный корабль смерти, неизменно ищет на палубе лица тех, кто отчалил раньше?

Кассандра, должно быть, уснула, потому что в следующее мгновение больница оказалась во власти ночи. Свет в вестибюле погас, повсюду слышались отзвуки сна. Девушка осела в кресле, шея ее затекла, а лодыжка, высунувшаяся из-под тонкого одеяла, замерзла. Было поздно, и Кассандра устала. Что разбудило ее?

Нелл, ее дыхание, ставшее громким. Она не спала. Кассандра метнулась к кровати и присела на краешек. В полумраке глаза Нелл казались стеклянными, выцветшими и мутными, как вода с пятнами краски. Тонкая нить ее голоса почти перетерлась. Сначала Кассандра не расслышала слов и подумала, что губы бабушки беззвучно шевелятся, повторяя давно забытые слова. Потом она осознала, что Нелл говорит вслух.

— Госпожа, — произнесла она. — Госпожа велела ждать...

Кассандра погладила Нелл по теплomu лбу, откинула мягкие пряди волос, которые когда-то блестели, точно серебряная пряжа. Опять эта госпожа!

— Она не будет против, — сказала Кассандра. — Госпожа не будет возражать, если ты уйдешь.

Губы Нелл сжались, потом задрожали.

— Мне нельзя шевелиться. Она велела ждать здесь, на корабле. — Старушка еле шептала. — Госпожа... Сочинительница... Не говори никому.

— Ш-ш-ш, — успокоила ее Кассандра. — Я никому не скажу, Нелл, я не скажу госпоже. Можешь идти.

— Она обещала вернуться за мной, но я не послушалась. Я не сидела там, где мне сказали.

Бабушка вдруг начала задыхаться. Кассандра запаниковала.

— Прошу тебя, не волнуйся, Нелл, пожалуйста. Все хорошо. Обещаю.

Голова старушки упала набок.

— Я не могу идти... Я не должна была... Сочинительница...

Кассандра нажала на кнопку вызова помощи, но над кроватью не загорелся ни один огонек. Девушка помедлила, прислушиваясь к шагам в коридоре. Веки Нелл трепетали, она ускользала прочь.

— Я позову медсестру...

— Нет! — Нелл слепо потянулась, стараясь схватить Кассандру. — Не бросай меня!

Старушка безмолвно заплакала. Слезы влажно блестели на ее сереющей коже.

Кассандра прикусила губу.

— Все хорошо, бабушка. Я схожу за помощью. Я скоро вернусь, обещаю.

ГЛАВА 4

Брисбен, Австралия, 2005 год

Дом, казалось, знал о смерти хозяйки, и если не горевал по ней, то, по крайней мере, погрузился в угрюмую тишину. Нелл никогда особо не любила ни гостей, ни вечеринки (мышь на кухне шумела больше, чем внучка), так что дом понемногу привык жить без суматохи. И для него стало настоящим ударом, когда вскоре после смерти Нелл неожиданно, без всяких предупреждений, появились ее родственники. Они начали бродить по комнатам и саду, потягивая чай и роняя крошки. Ссутулившись на склоне холма, совсем спрятавшись за большим антикварным центром, дом стоически переносил это последнее оскорбление.

Разумеется, все устроили тетки. Кассандра прекрасно обошлась бы без суеты, почтив память бабушки в одиночестве, но тетки и слышать об этом не хотели. Они решили, что по Нелл непременно нужно справить поминки. Семья захочет выразить соболезнования, как и друзья Нелл. Кроме того, это просто принято.

Кассандра была не в силах противостоять столь бесхитростной убежденности. Раньше она вступила бы в спор, но не теперь. К тому же теток невозможно было остановить. Все они были куда более энергичны, чем позволяет предположить их немалый возраст (самой молодой, тете Хетти, не меньше семидесяти пяти). Так что Кассандра оставила дурные предчувствия, не стала говорить, что друзей у Нелл не было, и занялась делом. Она разобрала чайные чашки и блюда, нашла десертные вилки, убрала часть

безделушек Нелл, чтобы теткам было где сесть. Девушка позволила им хлопотать со всеми положенными помпой и самодовольством.

На самом деле они не были тетками Кассандры. Они были тетками ее матери, младшими сестрами Нелл. Но Лесли это родство было ни к чему, и тетки быстро приняли Кассандру под крыло вместо нее.

Девушка ожидала, что, возможно, мать приедет в крематорий после начала церемонии. При этом, как всегда, будет выглядеть на тридцать лет моложе, чем на самом деле, притягивая восхищенные взоры. Прекрасная, молодая и невероятно беззаботная.

Но она не явилась. Тогда Кассандра предположила, что придет открытка с картинкой, не соответствующей поводу. Она представила крупный затейливый почерк матери, привлекающий внимание, с набегающими друг на друга строчками, и внизу под текстом — множество поцелуев, из тех, что легко раздаются.

На кухне Кассандра набрала в раковину воду и окунула туда руки.

— Что ж, думаю, все прошло превосходно, — сказала Филлис, старшая после Нелл и куда более властная. — Нелл понравилось бы.

Кассандра отвела глаза.

— Ну, — продолжила тетка, на мгновение прервавшись, чтобы вытереть тарелку, — если бы до сестры все-таки дошло, что поминки — дело нужное. — Внезапно ею овладел материнский инстинкт. — А ты как поживаешь?

— Нормально.

— Ты исхудала. Не забываешь есть?

— Ем три раза в день, как положено.

— Тебе не мешает поправиться. Приходи на чай завтра вечером, я приглашу семью, приготовлю картофельную запеканку с мясом.

Кассандра не стала возражать.

Филлис подозрительно оглядела старую кухню, отметив взглядом провисшую вытяжку.

— Тебе не страшно здесь одной?

— Нет, не страшно...

— И все же одиноко. — Филлис сморщила нос в искреннем сочувствии. — Несомненно, одиноко. Понятное дело, ведь вы с Нелл были очень близки.

Подтверждения она ждать не стала, лишь положила веснушчатую руку на предплечье Кассандры и слегка надавила, продолжая ободрительно щебетать:

— У тебя все будет хорошо. Знаешь почему? Всегда больно терять близкого человека, но легче, если он стар. Так устроена жизнь. Куда хуже, если он молод...

Тетка умолкла, ее плечи напряглись, а щеки покраснели.

— Да, — быстро согласилась Кассандра, — конечно.

Девушка перестала мыть чашки и обернулась, чтобы посмотреть через кухонное окно на задний двор. Мыльная пена стекала по ее пальцам, по золотому браслету, который она забыла снять.

— Надо бы заняться прополкой. Не то тропинка зарастет наsturциями.

Филлис охотно сменила тему разговора:

— Я пришлю Тревора помочь. — Ее узловатые пальцы сжали руку Кассандры еще крепче. — Как насчет следующей субботы?

В этот миг, шаркая, вошла тетя Дот. Она принесла из гостиной очередной поднос грязных чашек. С дребезжанием плюхнув его на стойку, Дот прижала тыльную сторону пухлой ладони ко лбу.

— Наконец-то, — сказала она, моргая на Кассандру и Филлис через невероятно толстые стекла очков. — Последний.

Она вразвалочку подошла к кухонной стойке и открыла круглую коробку из-под торта.

— Я даже проголодалась.

— Ах, Дот, — всплеснула руками Филлис, ухватившись за возможность сделать сестре внушение. — Ты только что поела!

— Час назад.

— А как же твой желчный пузырь? Я думала, ты следишь за весом.

— Слежу. Я сбросила семь фунтов с Рождества.

Она вернула пластиковую крышку на место, выпрямилась и обхватила немаленькую талию обеими руками. Встретив подозрительный взгляд сестры, Дот добавила:

— Правда-правда сбросила.

Кассандра скрыла улыбку и продолжила мыть чашки. Тетки были одна круглее другой. Они унаследовали склонность к полноте от мамы, а та — от своей матери. Нелл единственная избежала семейного проклятия и пошла в долговязого и тощего отца-ирландца. Они всегда забавно смотрелись вместе — высокая стройная Нелл и ее пухлые сестры-коротышки.

Филлис и Дот продолжали пререкаться. Кассандра по опыту знала, что, если не провести отвлекающий маневр, ссора будет разгораться, пока одна из них не бросит кухонное полотенце и не вылетит из дома в глубоком возмущении. Девушка уже видела это прежде и все же не могла привыкнуть к тому, что определенные фразы и слишком долгие взгляды мгновенно оживляют давний разлад. Будучи единственным ребенком, Кассандра считала проторенные тропки взаимодействия сестер равно пленительными и ужасными. К счастью, остальных теток уже разобрали по домам их домочадцы, так что некому было подбросить дровишек в огонь этого спора.

Кассандра деликатно покашляла.

— Знаете, я кое-что хотела спросить... — Девушка чуть повысила голос и почти завоевала внимание. — О Нелл. О том, что она сказала в больнице.

Филлис и Дот повернулись, обе с пылающими щеками. Упоминание о сестре, похоже, утомило их, напомнило, почему они здесь собрались.

— Спросить о Нелл? — повторила Филлис.

Кассандра кивнула:

— В больнице, перед самым концом, бабушка говорила о женщине. Она называла ее госпожой, Сочинительницей. Похоже, Нелл казалось, что они на каком-то корабле.

Филлис поджала губы.

— Ее рассудок блуждал, она не знала, что говорит. Возможно, воображала себя героиней какого-то телешоу. Кажется, ее любимый сериал снимали на корабле.

— Ах, Филл... — покачала головой Дот.

— Уверена, что помню, как сестра говорила об этом!

— Да ладно, Филл, — оборвала ее Дот. — Нелли больше нет. Что уж теперь!